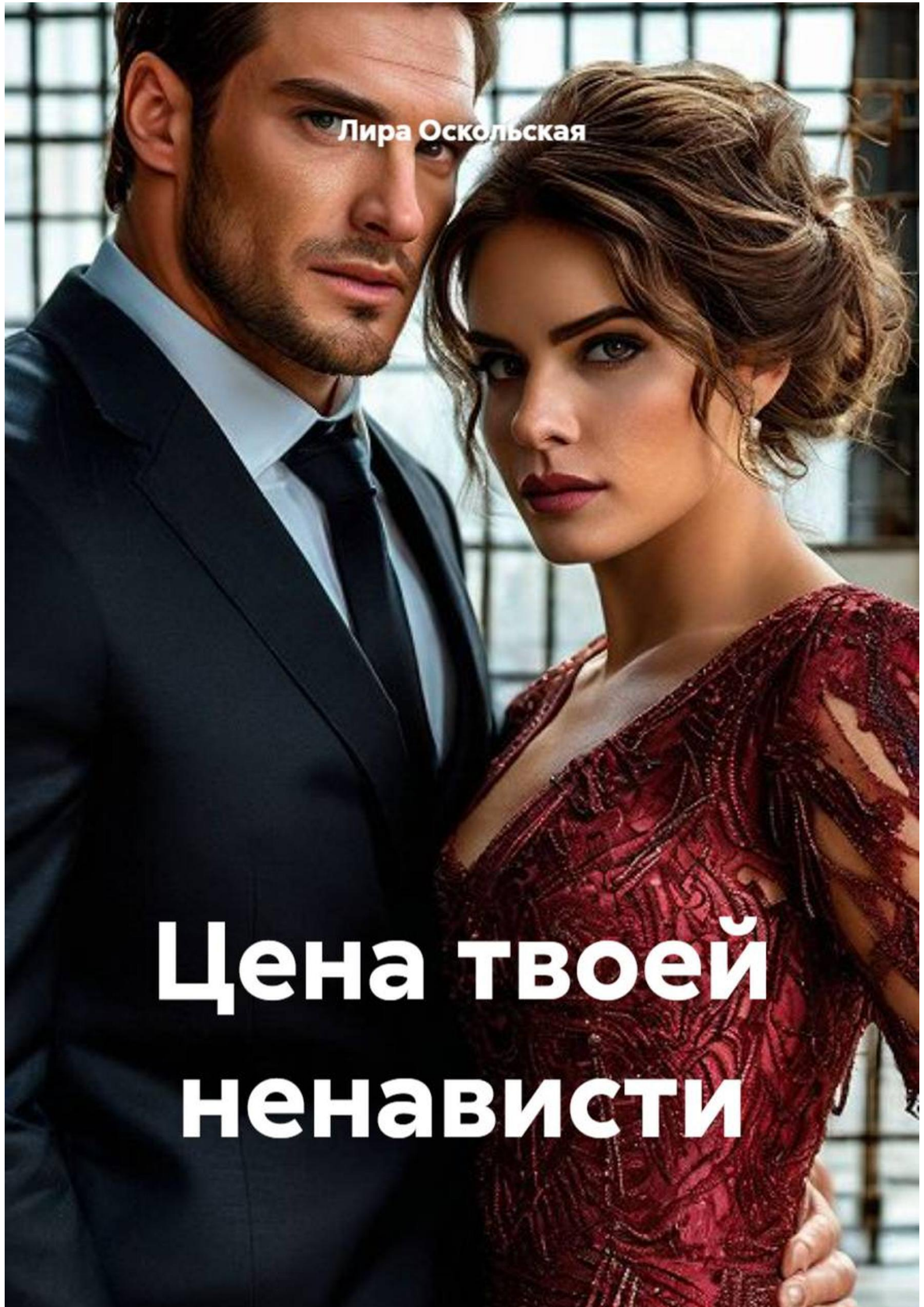

A man with a beard and short dark hair, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie, is looking towards the camera. A woman with long, wavy brown hair, wearing a red lace dress, is looking towards the camera. They are standing close together in front of a window with a grid pattern.

Ли́ра Оско́льская

Цена твоей ненависти

Ли́ра Оско́льская

Цена твоей ненависти

«Автор»

2026

Оскольская Л.

Цена твоей ненависти / Л. Оскольская — «Автор», 2026

Её брат в тюрьме. Её семья разрушена. И единственный, кто может всё исправить — человек, который всё это устроил. Кира Строгова соглашается на безумную сделку: стать фиктивной женой Александра Волкова — наследника империи, уничтожившей её семью. На год. Ради свободы брата. Но у Киры есть свой план. Переехав в его пентхаус, она получит доступ к его сейфам и найдёт компромат, который отправит Волкова за решётку. Оба думают, что держат ситуацию под контролем. Оба жестоко ошибаются. Потому что ненависть — это тонкая грань, за которой начинается безумие. А некоторые тайны лучше никогда не узнавать.

© Оскольская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сделка на вкус как медь и пепел.	5
Глава 2. Золотая клетка	8
Глава 3. Правила игры и запах грозы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ли́ра Оскольская

Цена твоей ненависти

Глава 1. Сделка на вкус как медь и пепел.

Ненависть имеет свой вкус. Для Киры она была на вкус как медь и пепел - металлическая, горькая, оседающая на языке каждый раз, когда она вспоминала имя Волковых.

Она стояла перед массивными дубовыми дверями на последнем этаже небоскреба «Волков-Холдинг», чувствуя, как под каблуками дешевых туфель гудит пол. Вокруг царила стерильная, дорогая тишина, пахло озоном и ледяным кондиционированным воздухом. Это был запах богатства. Запах людей, которые решали судьбы, не вставая из-за столов.

Людей, которые разрушили её семью.

— Кира? — секретарша, чья безупречная укладка стояла, наверное, больше, чем вся одежда Киры, кивнула в сторону дверей. — Александр Александрович ждет вас.

Кира выпрямила спину, вцепившись ногтями в ладони, чтобы скрыть дрожь. *Только не сейчас. Только не показывай ему, что ты напугана.*

Она толкнула тяжелые двери и шагнула в логово зверя.

Кабинет Алекса Волкова был огромным, с панорамными окнами во всю стену. Сам Александр стоял у стекла, спиной к ней. Его силуэт - широкие плечи, идеальная осанка, темный костюм, сидящий так, будто был сшит на нем самом излучал ту самую опасную, хищную грацию.

— Закрой дверь, Кира, — его голос был низким, ровным, без единой нотки приветствия.

Она щелкнула замком. Звук прозвучал как выстрел.

Алекс медленно обернулся. Его взгляд, тяжелый и оценивающий, скользнул по ней. Кира знала, что он видит. Он видит заломы на её дешевом, но безупречно чистом пальто. Видит бледную, лишенную румянца кожу - результат бессонных ночей в очередях к следователю и дешевых столовых. Видит темные волосы, собранные в небрежный пучок, и глаза, которые, она знала, выглядят слишком большими для её изможденного лица.

Она не была похожа на гляцевых куколок, которыми был окружен Волков. В ней не было лоска. Но в ней была та самая дикая, непричесанная красота загнанной волчицы, которая заставляла мужчин оборачиваться ей вслед. И сейчас этот взгляд Алекса обжигал её как клеймо.

— Ты вызвал меня, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Говори. У меня мало времени, мне нужно ехать на свидание с адвокатом, которого ты, надеюсь, оплатишь.

Алекс усмехнулся. Усмешка не коснулась его глаз. Он подошел к массивному столу из черного дерева и бросил на него тонкую папку.

— Адвокаты будут. Лучшие в стране. Илья выйдет на свободу, Кира. Вопрос лишь в том, какой ценой.

При звуке имени брата у Киры перехватило дыхание. В её голове на долю секунды вспыхнула картинка, от которой её до сих пор тошнило: год назад, их уютное архитектурное бюро «Строгов и партнеры», смех Ильи, чертежи на столах А потом, шумный взлом дверей, люди в масках, наручники на руках её брата. Илья, гений архитектуры, их семейная гордость, который выглядел таким маленьким и сломленным, когда его вели к полицейской машине.

Обвинение: хищение в особо крупных размерах и промышленный шпионаж. Якобы Илья украл проекты и продал их конкурентам. Кира знала правду, что их подставили, украли их же собственные чертежи, а виновным сделали Илью.

За этот год Кира продала машину, последние украшения матери, переехала в сырую однушку на окраине и работала на трех работах, чтобы оплачивать адвокатов, которые просто брали деньги и ничего не делали. Она была на грани. Она не спала, не ела, она просто существовала, ожидая звонка из тюрьмы о том, что её брат не пережил очередную «разборку» в камере.

Сердце Киры пропустило удар, но она не подала виду.

— Какую цену ты хочешь? Если ты думаешь, что я продамся тебе за его свободу, ты ошибся адресом. Я не шлюха, Волков.

— Нет, ты гораздо сложнее, — он обошел стол и оперся на него, скрестив руки на груди.

— Ты — гордая. А гордость, как известно, самый дорогой товар.

Он придвинул папку к краю стола.

— Открывай.

Кира не двинулась с места. — Я не буду подписывать никаких векселей.

— Это не расписка, — тихо произнес Алекс. — Это брачный контракт. На один год.

Тишина в кабинете стала такой густой, что в ней можно было тонуть. Кира моргнула, думая, что ослышалась. Затем по её лицу разлилась холодная, злая усмешка.

— Ты спятил? Или это у вас семейное - сходить с ума от власти? Я не выйду за тебя. Ни за что. Скорее, я сама перережу себе вены прямо на этом ковре.

— Не драматизируй, — отрезал он, и в его голосе впервые прорезалась сталь. — Твоя семья на мели. Брат в тюрьме, где ему могут сломать хребет по первому щелчку. У тебя нет денег, нет связей и нет будущего. А у меня есть дядюшка, который только и ждет, чтобы старый Волков отправился на тот свет, и тогда он заберет компанию. Старик поставил ультиматум: либо я женюсь и предоставляю ему наследника до конца года, либо совет директоров отдаст контроль моему дяде.

Кира слушала, и мир вокруг неё слегка пошатнулся. *Наследник. Брак. Он говорит о ней как об инструменте.*

— Почему я? — выплюнула она. — У тебя очередь из светских львиц стоит.

— Потому что мне нужна не просто кукла для прессы, — Алекс сделал шаг к ней, сокращая расстояние. От него пахло дорогим виски и чем-то терпким, мужским. — Мне нужна жена, которая будет напоминать моему дяде и всему городу, кто здесь хозяин. Я беру в жены девушку из семьи Строговых, которую мы уничтожили. Это идеальное доминирование. Это пощечина всем, кто думал, что Волковы пощадили вас. А для тебя для тебя это шанс спасти Илью.

Кира смотрела на него, и в её голове, сквозь пелену ярости и отчаяния, начала проступать кристально ясная, холодная мысль.

Пентхаус.

Если она станет его женой, она переедет в его пентхаус. В его личную резиденцию. Туда, куда никто из её людей не мог подобраться. Туда, где, по её глубочайшему убеждению, в его личном, биометрическом сейфе хранились оригиналы тех самых документов. Тех самых переводов и схем, которые доказывали, что это Алекс Волков подставил Илью, чтобы прибрать их архитектурные наработки к рукам.

Она думала, что он загоняет её в угол. Но на самом деле, он сам вручал ей ключи от своей крепости.

— Ты хочешь купить меня, — тихо сказала она, и в её голосе больше не было истерики. Только лед.

— Я хочу заключить сделку, — поправил он. — Год. Ты играешь роль идеальной, покорной жены. Улыбаешься на камерах, висишь на моей руке. Взамен я решаю проблемы твоего брата и обеспечиваю тебя до конца жизни. По истечении года мы разводимся, и ты получаешь щедрую компенсацию.

Кира подошла к столу. Она посмотрела на папку, затем подняла глаза на Алекса. В его взгляде читалось торжество. Он думал, что сломал её. Думал, что она — загнанная собака, которая согласится на любые унижения ради куска хлеба.

Пусть думает, что я собака, мелькнуло в её голове. Собаки тоже умеют грызть глотки.

Она взяла ручку. Она была тяжелой, золотой.

— У меня есть условие, — сказала она, не отводя взгляда от его глаз. — Какое? — Никаких правил в постели. Мы спим в разных комнатах. Я буду играть твою жену перед публикой, но за закрытыми дверями я не твоя любовница.

В глазах Алекса на долю секунды промелькнуло что-то темное, странное — то ли разочарование, то ли вызов. Но он быстро скрыл это за маской безразличия. — Договорились. Мне и не нужны твои ласки, Кира. Просто не порти мне имидж.

Она склонилась над бумагой и вывела свою подпись. Росчерк был резким, рвущим бумагу.

— Сделка заключена, — сказала она, выпрямляясь. — Когда я могу забрать вещи?

— Машина ждет внизу. Твоя новая жизнь начинается сегодня, Кира, — он кивнул на дверь, и в его голосе прозвучала тяжелая, окончательная нота. — Точнее, теперь ты Волкова. А теперь иди. У нас много работы.

Кира развернулась и вышла из кабинета, не оглядываясь. Она держалась прямо, пока не села в лифт и двери не сомкнулись, отрезая её от него. Только тогда она позволила себе выдохнуть. Руки дрожали так сильно, что она не смогла открыть сумочку.

Она думала, что идет на сделку с дьяволом, чтобы спасти брата. Она думала, что это она будет охотиться на него, что она найдет компромат и отправит его за решетку.

Кира не знала, что Алекс Волков, оставшись в кабинете, налил себе виски и смотрел в окно с совершенно другим выражением лица. Он не смотрел на город. Он смотрел на свое отражение в стекле и сжимал стакан так, что стекло могло треснуть. Он тоже думал, что держит ситуацию под контролем. Оба они жестоко ошибались.

Глава 2. Золотая клетка

Сон в ту ночь не пришел вообще.

Кира сидела на краю продавленного дивана в своей сырой, пахнувшей плесенью однушке на окраине города. На коленях у нее лежал старый блокнот, в котором она привыкла набрасывать чертежи. Но сейчас вместо линий и углов она лихорадочно выводила слова, схемы и имена, вдавливая шариковую ручку в бумагу так, что та рвалась.

Алекс Волков. Пентхаус в «Москва-Сити». Башня «Империя». 89-й и 90-й этажи.

Она знала этот дом. Еще до банкротства их бюро «Строгов и партнеры» они с отцом участвовали в тендере на внутреннюю отделку верхних этажей этой башни. Они проиграли его Волкову. Кира помнила те чертежи наизусть.

Гостиная, кухня, три спальные зоны, кабинет хозяина. Кабинет.

Она обвела слово «кабинет» жирным кругом. По строительным нормам, которые она знала лучше своих пяти пальцев, стена между кабинетом и технической шахтой лифтов была аномально толстой. Тридцать сантиметров вместо стандартных пятнадцати. Это не несущая конструкция. Это пространство для сейфа. Банковской ячейки, вмонтированной в стену еще на этапе строительства.

Биометрия. Сетчатка глаза или отпечаток? Или оба?

Кира провела ладонью по лицу. Кожа была ледяной. Она встала, шатаясь, и пошла в крошечную ванную. Включила кран, и из него сначала плюнула ржавая вода, прежде чем стала прозрачной. Она зачерпнула воду ладонями и плеснула себе в лицо.

В зеркале на нее смотрела чужая женщина. Впалые щеки, темные круги под глазами, которые не скрыл бы никакой консилер, и взгляд... взгляд загнанного зверя, который понял, что загонять себя в капкан придется самостоятельно.

— Ты сошла с ума, — прошептала она своему отражению. Голос сорвался на хрип. — Ты продаешься человеку, который уничтожил папу. Который посадил Илью.

Она сжала край умывальника так, что побелели костяшки. В груди поднималась тошнота, густая и липкая. Но сквозь нее, сквозь это унижительное чувство собственной продажности, пробивалось что-то еще. Холодное, острое, как лезвие скальпеля.

Он думает, что купил меня. Он думает, что я буду плакать в подушку и играть роль несчастной Золишки. Пусть играет. А я буду играть свою роль. Идеальной, покорной, скучной женой Волковой. А ночью... ночью я стану тенью.

Она вернулась в комнату, открыла ящик стола и достала старую, потертую фотографию. На ней они с Ильей смеялись, обнявшись, на фоне макета их первого совместного проекта. Илья был таким живым, таким теплым. А теперь он сидел в бетонной коробке, где за пачку сигарет могли переломать ребра.

— Я вытащу тебя, Ильяша, — тихо, но твердо сказала она, касаясь пальцем его лица на фото. — Даже если мне придется сжечь этот город дотла. И его самого вместе с ним.

Она закрыла блокнот. План начал складываться. Ей нужно будет не просто жить с ним. Ей нужно будет изучить его режим, его привычки, его слепые зоны. Ей нужно будет стать для него настолько привычной, настолько «безопасной», чтобы он перестал чувствовать в ней угрозу.

Рассвет ввалился в комнату не золотом, а грязно-серым, больничным светом. Кира так и не легла. Она сидела у окна, глядя, как просыпается чужой, равнодушный город.

Ровно в восемь утра раздался звонок в дверь. Не резкий, требовательный, а вежливый, отрывистый.

Кира открыла. На пороге стояли трое. Две женщины и мужчина, одетые в строгие черные костюмы, больше похожие на форму персонала элитного морга, чем на стилистов. За их

спинами маячили двое грузчиков с тяжелыми черными кейсами и коробками от брендовых бутиков.

— Кира Строгова? — женщина с безупречным, но совершенно бездушным лицом шагнула вперед. — Александр Александрович прислал нас. У нас ровно три часа. Прошу пройти в ванную.

Это не было похоже на подготовку к балу из сказки. Это была экипировка. Сборка боевой единицы.

Они работали молча, слаженно и жестоко. Женщина с ножницами и расческой безжалостно убрала её растрепанные за ночь волосы, собрав их в сложную, тугую конструкцию, которая открывала шею и делала лицо хищным и открытым. Визажистка, не сказавшая ни слова, стерла с её лица следы бессонной ночи, создав идеальный, фарфоровый тон. Никакого румянца, никаких мягких линий. Только холодные, графичные стрелки и темная, почти черная помада.

— Это слишком... — начала Кира, глядя на свое отражение. — Александр Александрович уточнил: «Безупречно и дорого», — отрезала стилист, даже не моргнув.

Затем начались одежды. Они не спрашивали её размера, не предлагали выбрать фасон. Они просто доставали вещи из коробок, словно одевали куклу. На неё надели тонкое, облегающее, как вторая кожа, белье, которое впилося в ребра. Сверху - тяжелое, струящееся платье из темно-изумрудного шелка. Оно стоило больше, чем вся эта квартира вместе с мебелью, но Кира чувствовала себя в нем как в латах. Холодных, тяжелых, защищающих от мира.

На шею ей застегнули кольцо. Платина и россыпные изумруды. Металл был ледяным, он неприятно холодил ключицы, напоминая цепи.

— Готово, — произнесла женщина, отступая на шаг и оценивающе глядя на Киру. — Вы выглядите именно так, как нужно.

Кира посмотрела в зеркало во весь рост. На неё смотрела чужая, пугающе красивая и невероятно дорогая женщина. В ней не осталось ничего от той девочки, которая чертила проекты по ночам и плакала в подушку. Эта женщина могла ломать судьбы. Эта женщина могла убить.

Отлично, подумала Кира, сжимая пальцы в кулаки, чтобы длинные, острые ногти впились в ладони. Пусть смотрят. Пусть думают, что я его трофей. Трофеи тоже умеют кусаться.

Она взяла свою старую, потертую сумку. В неё поместилось почти всё, что она забирала с собой: смена белья, старая зубная щетка, блокнот с чертежами и потертая фотография Ильи. Всё её прошлое поместилось в одну маленькую сумку. Всё её будущее несли за ней люди в черном.

— Веди, — бросила она стилистам.

Спуск по скрипучей лестнице старого дома казался сюрреалистичным. Кира шла в туфлях на высоченном каблуке, придерживая тяжелые коробки с её новым «гардеробом». Выходя на улицу, она вдохнула холодный, пахнувший выхлопными газами и дешевым кофе воздух. Это был запах её старой жизни. Она впитала его в себя напоследок, заставляя сердце сжаться от тоски, а разум затвердеть как сталь.

Она стояла на обочине, шурясь от яркого утреннего солнца, и ждала.

Черный Maybach скользил по утреннему городу, как хищная акула в мутной воде.

Дверь никто не открыл, она сама села в автомобиль на заднее сиденье, кинув вещи в багажник.

Кира сидела на кожаном сиденье, чувствуя, как спина впитывает холод. За рулем был не водитель, а сам Алекс. Кира заметила сразу, чему была сильно удивлена, но решила промолчать, не акцентируя на этом внимания. Он был в безупречном темно-сером костюме, на носу

темные очки, профиль высечен из камня. Он молчал. И это молчание давило сильнее любых слов.

Когда он впервые за всю дорогу повернул голову, его взгляд скользнул по её лицу, по изумрудному шелку платья, по холодному блеску колье. На долю секунды в его глазах промелькнуло что-то темное - то ли удовлетворение, то ли голод. Но он тут же скрыл это за маской безразличия.

— Ты дрожишь, — наконец произнес он, не поворачивая головы. Его голос был ровным, лишенным эмоций.

— От того, что в твоей машине кондиционер выкручен на арктический режим, — парировала Кира, стараясь, чтобы голос звучал насмешливо.

Алекс усмехнулся уголком рта. Он протянул руку, не убирая очков, и крутанул регулятор на панели. Стало теплее.

— Привыкай, Кира. В моем мире комфорт всегда настраивается под того, кто держит руль.

Он бросил на ее колени тонкий кожаный портмоне.

— Что это?

— Черная карта. Безлимитная. Телефон с новым номером, который знают только я, мой личный помощник и твой брат. Твой старый номер мы блокируем завтра. Кира посмотрела на карту, словно на кусок грязи.

— Я не собираюсь тратить твои деньги на тряпки и бриллианты, Волков.

— Не собираешься, — согласился он, и в его тоне прозвучала сталь. — Но город уже знает, что ты моя жена. Если ты появишься на публике в этом... пальто, светская хроника решит, что я жмот, а ты - нищенка. Это бьет по моему имиджу. Поэтому ты будешь носить то, что я скажу. Трать сколько нужно. Отчеты предоставлять не надо.

Кира сжала челюсти. Он даже не смотрел на нее. Для него она была просто статьей расходов. Пунктом в смете.

— А что насчет правил? — спросила она, глядя в его затылок.

— Мы спим в разных комнатах. На публике я держу тебя за руку. Что еще? — Еще, — Алекс сбавил скорость, поворачивая к шлагбауму элитного жилого комплекса, — ты не лезешь в мои дела. Не задаешь вопросов о работе. Не пытаешься играть в любящую жену, когда мы одни. И, самое главное...

Он остановил машину у подземного лифта, снял очки и повернулся к ней. В его темных глазах не было ничего, кроме предупреждающего льда. — ...ты не забываешь, кто ты. Ты здесь, потому что я тебе позволил. Ты - мой долг, Кира. Не более. Понятно?

Она выдержала его взгляд. Сердце колотилось где-то в горле, но она заставила себя улыбнуться - тонкой, ядовитой улыбкой.

— Кристально, Александр Александрович. Веди меня в мою золотую клетку.

Лифт, который поднимался на 89-й этаж, был стеклянным. Когда двери разошлись, Кире на секунду перехватило дыхание. Пентхаус Алекса Волкова не выглядел как дом. Он выглядел как музей современного искусства, где запрещено дышать. Огромное пространство, залитое холодным дневным светом, льющимся из панорамных окон во всю стену. Темный мрамор пола, полированный металл, стекло, минималистичная мебель черных и графитовых оттенков. Никаких ковров, никаких уютных мелочей, никаких следов живого человека. Это было пространство для эго. Пространство, кричащее о власти и абсолютном контроле.

— Снимай обувь, — бросил Алекс, проходя внутрь и бросая ключи на стеклянную консоль. — Здесь нет ковров в прихожей.

Кира молча сняла свои новые, ни разу не ношенные туфли. Босиком мрамор казался ледяным. Она шла за ним, стараясь запоминать каждый шаг, каждый поворот коридора. *Три шага от лифта, поворот направо. Коридор. Двери.*

— Твоя комната — в конце левого крыла, — он указал на одну из дверей. — Там есть все: гардеробная, ванная. Гардеробную завтра заполнят стилисты. Он прошел дальше и остановился перед тяжелыми дверями из темного дуба в конце правого крыла. Рядом с ними не было никаких указателей, но Кира заметила едва видимую, тонкую щель в стене - скрытую панель. *Туда. Сейф там.*

— А это мой кабинет, — сказал Алекс, не оборачиваясь. Он положил руку на дверную ручку, и Кира заметила, как на стене рядом с дверью мигнул крошечный красный глазок камеры.

— Моя территория. Здесь я работаю. Здесь хранятся вещи, которые я не люблю, когда трогают чужие руки.

Он наконец повернулся к ней.

— У нас с тобой разные жизни, Кира. Днем ты - моя жена. Вечером мы ужинаем, если я не занят, или если ты не занята своими... светскими делами. А ночью мы не пересекаемся. Если мне понадобится что-то от тебя, я пришлю за тобой. Если понадобится что-то мне - ты знаешь, где меня найти. Вопросы есть?

Кира смотрела на закрытую дверь кабинета. Она представляла, как за ней, в темноте, ждет его секрет. Его падение.

— Нет, — тихо сказала она. — Никаких вопросов.

— Отлично, — он кивнул. — Отдыхай с дороги. Завтра в девять утра за тобой заедет машина. У нас обед с моим отцом и его врачами. Ты должна выглядеть так, будто счастлива быть частью этой семьи.

Он развернулся и шагнул в свой кабинет. Дверь бесшумно, но плотно закрылась за ним. Щелкнул замок.

Кира осталась стоять одна посреди гигантской, холодной гостиной. За окнами, на высоте птичьего полета, шумел и сиял огнями город. Она была отрезана от мира. Она была в самом центре логова зверя.

Она медленно выдохнула, позволяя плечам опуститься. Подошла к огромному окну и прижалась ладонью к холодному стеклу. В отражении она видела себя — маленькую, хрупкую фигуру на фоне гигантской империи Волкова.

— Привет, Алекс, — прошептала она в пустоту, и в ее голосе впервые за весь день зазвучала не покорность, а тихая, смертельная угроза. — Надеюсь, ты хорошо спишь. Потому что этой ночью я не собираюсь спать.

Она отошла от окна, выпрямила спину и направилась в свою комнату. Ей нужно было начать изучать свою клетку. И искать, где в ней прутья сделаны из бумаги.

Глава 3. Правила игры и запах грозы

Комната Кире больше напоминала стерильный номер в отеле класса «люкс», чем личное пространство.

Огромная кровать с безупречно белым бельем, зона для отдыха с кожаным диваном, и гардеробная, которая по площади превосходила ее нынешнюю квартиру. Но больше всего ее угнетала ванная. Черный мрамор, полированный металл, огромное зеркало во всю стену.

Кира закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной. Только сейчас, когда тяжелая дубовая створка отрезала ее от коридоров и холодного взгляда Алекса, колени предательски подогнулись. Она медленно сползла по двери, садясь на холодный кафельный пол.

Она подняла руки к шее и с трудом расстегнула замок колье. Платина и изумруды со звоном упали на ладонь. Металл был ледяным. Кира швырнула украшение на умывальник и закрыла лицо руками.

Ты сделала это. Ты продалась.

В голове пульсировала одна и та же мысль, заглушая здравый смысл. Она теперь здесь. В самом центре империи Волковых. В их доме. В их постели, если потребуется для «образа».

Она заставила себя встать. Слабость — это роскошь, которую она больше не могла себе позволить. Кира стянула тяжелое шелковое платье, приняла быстрый, обжигающе горячий душ, смывая с себя запах чужого парфюма и липкий страх. Она надела свою единственную чистую вещь — простую черную шелковую пижаму, которую успела захватить из дома, и подошла к зеркалу.

На нее смотрела девушка с мокрыми, темными волосами и глазами, в которых плескалась темная, мутная решимость.

— Ты в их доме, — тихо сказала она своему отражению. — Улыбайся. Ищи сейф. Не думай о том, как он на тебя смотрит.

Дверь в комнату открылась без стука.

Кира резко обернулась. На пороге стоял Алекс. Он сменил костюм на черную рубашку с закатанными до локтей рукавами. Первые две пуговицы были расстегнуты, открывая ключицы. Он выглядел менее официально, но от этого только опаснее. Как хищник, который вернулся в свою берлогу и сбросил шкуру.

— Я не стучу в собственные двери, — бросил он, входя в комнату. Его взгляд скользнул по ее мокрым волосам, по тонкому шелку пижамы, облегающему фигуру, и на долю секунды задержался на ключицах. Затем он холодно отвел глаза. — И не привык, чтобы мои жены запирались от меня.

— Я не твоя жена, — парировала Кира, вытирая волосы полотенцем. — Я твоя сотрудница по контракту. И у меня нет привычки впускать мужчин в свою спальню без приглашения.

Алекс усмехнулся, но в его глазах не было веселья. Он подошел к островку гардеробной и оперся на него скрещенными руками. — Завтра в девять утра мы едем к моему отцу. За столом будет он, его врачи и мой дядя Виктор. Виктор только и ждет, чтобы найти трещину в нашем фасаде. Поэтому сейчас мы утвердим легенду.

Кира бросила полотенце на стул и скрестила руки на груди. — Слушаю.

— Мы не будем врать, что познакомились на светском рауте. Виктор пробьет любую светскую тусовку за последний год и поймет, что мы лжем, — Алекс говорил тихо, но каждое слово ударяло, как молоток. — Мы скажем правду, но в своей интерпретации. Три месяца назад, на благотворительном аукционе в «Метрополе». Ты пыталась продать последний эскиз твоего отца. Виктор подошел к тебе и публично предложил купить его за бесценок.

Кира сжала челюсти. Она помнила тот вечер. Помнила, как у нее дрожали руки, когда она держала тот планшет. — И что дальше? — Дальше ты вылила ему шампанское на пиджак

и сказала, что эскизы Строговых не продаются прогнившим жуликам, — Алекс чуть наклонил голову, изучая ее реакцию. — Зал аплодировал. Я стоял на балконе, смотрел на эту сцену и понял, что хочу эту женщину. Я хочу ее, даже если она плюет мне в лицо.

Кира смотрела на него. Он произнес это так буднично, словно читал сводку погоды. Но в его голосе звучала та самая, темная одержимость, которую он так тщательно прятал. — Это... смело, — медленно произнесла она. — Дядя Виктор будет в бешении, но он не сможет это опровергнуть. Хорошо. Легенда принята.

Она сделала шаг к двери, давая понять, что разговор окончен. — Но у меня к тебе дело. Алекс не двинулся с места. — Какое?

Кира остановилась. Она повернулась к нему, и в ее глазах больше не было усталости. Только сталь. — Илья. Мы заключили сделку в кабинете. Но слова — это воздух, Алекс. Я еду к твоему умирающему отцу, я играю роль твоей шалавы, я улыбаюсь твоему дяде. Я хочу гарантий. Прямо сейчас.

— Каких гарантий? — его тон стал опасным, ледяным. — Я сказал, что адвокаты... — Мне не нужны обещания на завтра! — перебила она, и голос ее зазвенел. — Я хочу знать, что он в безопасности сегодня. Что его не тронули в камере. Что ты не используешь его как рычаг, чтобы держать меня на поводке. Покажи мне звонок. Покажи мне документ о переводе. Или я завтра не сяду в твою машину.

В комнате повисла тишина. Воздух словно наэлектризовался.

Алекс медленно оторвался от столешницы. Он не повышал голос. Он просто начал двигаться. Медленно, по-кошачьи, сокращая расстояние между ними.

— Ты думаешь, я играю с тобой, Строгова? — его голос был тихим, низким, вибрирующим где-то на уровне ее ключиц.

Он сделал еще один шаг. Кира инстинктивно отступила назад, но уперлась спиной в холодный мрамор умывальника. Отступать было некуда. Алекс навис над ней, зажав ее руками по обе стороны от ее бедер. Он был слишком близко. От него пахло дорогим виски, кожей и грозой.

— Послушай меня внимательно, — он наклонился, и его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от ее. В его темных глазах не было ничего, кроме доминирующей, подавляющей воли. — Ты подписала контракт. Ты переступила порог этого дома. Ты больше не диктуешь условия. Ты делаешь то, что я говорю, когда я говорю, и там, где я говорю. Твой брат в безопасности, потому что я так решил. И если ты хоть раз посмеешь шантажировать меня срывом этой сделки, я лично прослежу, чтобы его перевели в такую колонию, где он не доживет до следующего утра. Понятно?

Его лицо было так близко, что Кира видела, как напряжена скула под его кожей. Она видела, как тяжело он дышит. Это был не просто гнев. Это была попытка сломать ее, подчинить, доказать, кто здесь хозяин.

Сердце Киры колотилось так громко, что ей казалось, он слышит этот стук. Страх шептал ей: *уступи, опусти глаза, согласись.*

Но внутри нее, сквозь этот страх, поднималась та самая, дикая ярость, которая не давала ей сдохнуть за последний год.

Она не опустила глаза. Она подняла подбородок, глядя прямо в его черные, бездонные глаза. — Ты привык, что все перед тобой прогибаются, Волков? — прошептала она, и в ее голосе не было ни капли дрожи. — Ударить женщину, чтобы она замолчала? Это твой метод? Или у тебя просто закончились аргументы?

Алекс замер.

Его взгляд метнулся к ее губам, затем снова к глазам. Воздух между ними сгустился до предела. Кира видела, как в его зрачках вспыхнуло что-то темное, первобытное. Он хотел ее

пригнуть. Хотел заставить замолчать. Его рука, лежащая на мраморе рядом с ее бедром, слегка дрогнула, пальцы сжались в кулак.

Он смотрел на нее так, словно хотел сожрать. А она смотрела в ответ, не мигая, бросая ему вызов, моля его — нет, требуя — сделать шаг назад.

Секунда. Вторая. Третья.

Алекс закрыл глаза. Глубоко, резко вдохнул, словно выныривая из-под воды. Когда он открыл их, темнота в них отступила, уступив место холодной, непробиваемой маске.

Он медленно выпрямился. Отошел на шаг. Потом еще на один. Провел ладонью по лицу, сбрасывая напряжение, и застегнул одну пуговицу на рубашке, словно приводя себя в порядок.

— Твой брат уже в спецблоке «Матросской тишины», — его голос был ровным, но в нем звенело натяжение, как струна. — Перевод оформлен час назад. Охрана — мои люди. Врача тоже вызвал я. Он в безопасности, Кира.

Он посмотрел на нее. В его взгляде больше не было ярости. Только тяжелая, усталая горечь. — Я не тиран, который бьет женщин, чтобы они замолчали. Я просто человек, который устал от того, что ему не верят.

Он развернулся и направился к двери. На пороге он остановился, не оборачиваясь. — Завтра в восемь утра ты должна быть готова. И, Кира... постарайся не смотреть на меня так. Это мешает мне думать, что ты просто глупая, жадная девчонка.

Дверь за ним тихо закрылась.

Кира осталась стоять у умывальника. Ее ноги дрожали. Она медленно провела ладонью по своей шее, там, где еще секунду назад чувствовала его жар.

Он отступил. Он мог сломать ее, но отступил. И самое страшное было не в том, что он ее напугал. А в том, что в ту секунду, когда он нависал над ней, глядя на ее губы, ее тело отозвалось на его опасность не страхом, а предательским, горячим импульсом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.